

Татьяна Троянова, Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных), Tartu 2003 (Dissertationes Philologicae Slavicae Universitatis Tartuensis 11).

Работа Татьяны Трояновой является оригинальным монографическим исследованием в области сопоставительной семасиологии. Выбор темы отличается новизной. Несмотря на то что сопоставительная русско-эстонская лексикология имеет свои традиции (труды А. Ыйм, Э. Вайгла, А. Ромет, М. Лийв, Х. Леэметс и др.) и лексикографическое описание, монографические исследования по языковой метафоре отсутствуют. Одной из причин сложившегося положения несомненно является уровень разработанности лексикографического представления словарной информации в толковых словарях эстонского языка, а также в переводных русско-эстонских и эстонско-русских словарях. В настоящее время исследователи располагают толковым словарем эстонского языка, составленным А. Сааресте, и не до конца опубликованным толковым словарем эстонского литературного языка (Институт эстонского языка). По поводу последнего опубликована статья Р. Карельсона (Karelson 1990), в которой среди прочих недостатков отмечается отсутствие единых принципов составления, а также определенная ориентированность на словарные статьи 17-томного толкового словаря современного русского литературного языка и частичное их «копирование». Это связано с серьезными недостатками в раскрытии и представлении семантического поля эстонского слова и в приведении возможных контекстов. Коллектив нового толкового словаря под руководством М. Лангеметс пытается как можно полнее раскрыть полисеман-

тичность слова и решить проблемы лексической омонимии (см. Langemets 1999; Langemets, Mäearu, Viks 2002).

Что касается русско-эстонских и эстонско-русских словарей, то уже в исследовании Антса Пихлака (1981) и в его статьях неоднократно подчеркивалось отсутствие применения покомпонентного представления полисемии слова, к которому подыскивается переводное соответствие на иностранном языке. В настоящее время есть опыт толково-переводного русско-эстонского словаря (Venne-eesti seletav sõnaraamat 2001), составленного на основе «Русского толкового словаря» В. В. и Л. Е. Лопатиных (2001). В принципе только на основе такого рода словарей возможен более или менее адекватный отбор переводных соответствий на втором языке. Но и здесь еще не обнаруживаются те семантические связи, которые на самом деле существуют между лексико-семантическими системами сопоставляемых языков. Для полного понимания межъязыковых корреляций в области семантики слова следует провести двусторонний анализ с последующим синтезом и обобщением полученных данных. Богатый материал дают также двуязычные словари семантической и грамматической сочетаемости слов.

На фоне изложенного попытку Татьяны Трояновой провести сопоставительный анализ языковой метафоры в русском и эстонском языках следует признать смелым начинанием, имеющим несомненную эвристическую ценность как для эстонской лексикологии в целом, так и для лексикографии в частности.

Для автора путь этот отнюдь не легкий, особенно если иметь в виду, что ею были использованы материалы упомянутого не до конца изданного толкового словаря эстонского языка. В подобных случаях «выручают» строгая разработка и четкий отбор принципов сопоставления семантики слов двух языков (решение методологических вопросов сопоставительного исследования), опора на надежную теоретическую концепцию и подходящие (возможные) методы анализа.

Принципы сопоставительного семасиологического исследования, на которые автор опирается, в монографии не излагаются. На с. 9 и далее указывается, какие словари использовались при отборе и анализе материала, однако не конкретизируется, как составлялась выборка — в русском языке 576 и в эстонском языке 431 примеров языковой метафоры. Не вполне понятно, выбирались ли словоупотребления параллельно, с учетом постоянного двухстороннего сопоставления или же в обоих языках отдельно, независимо друг от друга. Дальнейшая процедура анализа объясняется на с. 9, где отмечается, что «в ходе исследования сопоставлялись значения существительных обоих языков: исходное и вторичное (переносное), при помощи компонентного анализа выявлялись семы, лежащие в основе метафорического переноса, попутно исследовались сопровождающие процесс метафоризации изменения стилистической окраски слова, появление оценочности и экспрессивности». Применение автором метода компонентного анализа к толкованиям слов эстонского языка с целью выявления возможных вторичных значений — труд кропотливый, но благодарный, поскольку, как уже отмечено, в составлении словарей эстонского языка компонентный анализ семантики слова пока последовательно не применялся.

При разработке и изложении теоретической концепции языковой метафоры автор опирается в основном на русскую исследовательскую традицию (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. В. Гак, Г. Н. Складневская, В. П. Москвин и др.). Анализ и синтез идей проводится с учетом своего понимания процесса метафо-

ризации в языке. Этому посвящена первая часть монографии (с. 13—35).

Излагая свою позицию, Т. Троянова указывает на традиционную точку зрения в разработке теории метафоры. Опираясь на труды Л. А. Новикова и М. А. Шелякина, она отмечает, что метафора — это скрытое сравнение чего-либо с каким-то объектом действительности, основанное на ассоциациях сходства внешнего вида, функций, пространственного распределения, оценки свойства и т.д. Поскольку не всегда легко определить исконный объект и пути возникновения метафорического переноса значения слова, вполне правомерно считать обращение к теории языковой метафоры Г. Н. Складневской. Сущность ее концепции сводится к поиску характера связи между исходным и переносным значениями слова. Эта идея дополнена Т. Трояновой теоретическими положениями из трудов В. К. Харченко, что привело к осознанию необходимости свети воедино три составляющие языковой метафоры — исходный объект, основу переноса и объект метафоризации. По характеру связи между составляющими Т. Троянова выделяет две группы языковой метафоры: 1. метафора с прямой признаковой связью (ППС) и 2. метафора с опосредованной признаковой связью (ОПС).

В рамках первой группы выделяются 1.1. ППС-1, основанные на дифференциальных признаках предмета (напр., каланча (пожарная вышка) → дифференциальная сема «высокое строение» → метафорическое значение «о человеке очень высокого роста»); 1.2. ППС-2, основанные на периферийных семмах (напр., вакханка (жрица бога Вакха, участница празднеств-вакханалий) → опорная дифференциальная сема «обязательное участие в вакханалиях» → опорная периферийная сема «сладоэрастие» → метафорическое значение «о сладоэрастной женщине»); 1.3. ППС-3, основанные на потенциальных семмах (напр., лиса, лисица (хищное млекопитающее с острой мордой и длинным пушистым хвостом) → потенциальная сема «хитрость» → метафорическое значение «о хитром, лстивом человеке»). Метафора второй груп-

пы с ОПС опирается на семантическую трансформацию: могильщик (рабочий, занимающийся рытьем могил) → трансформация «роет могилу» → метафорическое значение «о том, кто несет гибель кому-, чему-либо, уничтожает кого-, что-либо». В качестве особого типа языковой метафоры рассматриваются ласкательные и бранные наименования типа *солнышко, золотко; чертяка, паразит* в обращениях к лицу. Основа их метафоризации неясна: в лексическом значении слова метафорический компонент отсутствует, однако возникает при функционировании в составе обращения.

На фоне глубины и содержательности изложения русской теории метафоры бледно выглядит глава «О сопоставительном изучении языковой метафоры в современной лингвистике» (с. 33—35). Этому имеется несколько причин.

Во-первых, заголовок ориентирует на всеобъемлющее изложение истории вопроса в лингвистической литературе. Эта проблема широко разрабатывается исследователями всего мира. В том числе и эстонскими филологами. Однако упомянуты лишь О. Есперсен, С. Ульман, Р. Ладо, Й. Лайонз, К. Годдард, Ч. Ф. Хоккетт, Р. Дж. ди Пьетро, не имеющие непосредственной связи с разработкой языковой теории метафоры, и совсем не упомянуты теоретические положения эстонских лингвистов А. Крикманна, Т. Хелпа, Т. Борна, У. Сутропа, Р. Паюсалу, А. Вейсмани, Р. Хендриксона и др. Работая над материалом разных языков (в данном случае русского и эстонского), следует рассматривать теоретическую разработку проблемы не только в русистике, но и в мировой и эстонской лингвистике. Так, Р. Хендриксон пишет о возможных подходах к языковой метафоре (Hendrikson 2002); Р. Паюсалу раскрывает метафоризацию как один из компонентов мотивированности значения слова (Pajusalu 2001); А. Вейсманн отмечает, что в когнитивной лингвистике метафорический перенос значения оценивается как односторонний процесс на пути грамматикализации слова. Проблема заключается в том, из каких и в какие семантические сферы перенос делается. При этом вни-

мание сосредотачивается на том, какие метафоры и как соотносятся с общим представлением о метафоре в трудах Лакоффа и Джонсона: какие существительные с более конкретным значением и как допускают рождение более абстрактного слова (см. Veismann, 2001). Излагая теорию вопроса, Т.Троянова явно недостаточно внимания уделяет трудам западных авторов, хотя именно они активно разрабатывают проблематику метафоры — символа — образа. Особенно сильно в этом аспекте представлено направление когнитивистов.

Во-вторых, заголовок предполагает обзор всех сопоставительных исследований по языковой метафоре, монография же Т. Трояновой посвящена сопоставлению антропоцентрической метафоры в русском и эстонском языках. По этой проблеме конкретных исследований нет. Отдельные же замечания можно найти не только в статьях А. Ыйм, М. Лийв, Э. Вайгла и Х. Леэметс, но и в исследованиях А. Ромет, А. Пихлака.

В-третьих, решение вопроса о сущности языковой метафоры так или иначе реализуется в лексикографической практике. Поэтому двуязычная русско-эстонская и эстонско-русская лексикография так или иначе решает этот вопрос. Но должного анализа лексикографических трудов, прежде всего А. Пихлака, А. Ыйм, Э. Вайгла, Х. Леэметс, А. Ромет, Т. Троянова не проводит.

Вторая часть рецензируемой монографии посвящена анализу антропоцентрической метафоры в русском и эстонском языках. Выделены модели переноса, в рамках которых делается попытка показать сходства и различия в их реализации в русском и эстонском языках, а также выяснить причины переноса значения. Вторая часть отличается стройностью построения и логичностью изложения результатов анализа. Однако при сопоставлении языков сразу возникают вопросы по поводу интерпретации конкретного языкового материала, особенно когда в анализе исследователь опирается на словари. Приведу несколько вопросов по первой главе «Метафорический перенос «человек — человек»».

На с. 38 среди примеров с ППС-1 приводится ряд слов, аналогичных в этом отношении примерам типа *адвокат/advokaat, дипломат/diplomaat*, среди которых рус. *критик* и эст. *kriitik* — отнесение к типу ППС-1 нуждается в объяснении; то же по поводу рус. *боец* и эст. *võitleja*.

На с. 39 приводится *ас* без эстонского соответствия *äss*, имеющего такое же метафорическое значение. Аналогично отсутствует эстонское соответствие *politikaan*. Почему эстонский язык здесь не учитывался? Кроме того, в описываемой группе все слова иноязычного происхождения. Как интерпретировать развитие в них вторичного метафорического значения? Они заимствованы как метафоры или же метафорическое значение появилось после заимствования?

На с. 40 обсуждается рус. *живодер* без эстонского соответствия, но есть слово *lihunik* 'мясник', которое имеет сему «жестокый человек, мучитель». Слово *поэт/luuletaja, poeet* — в эстонском языке метафорическое значение *luuletaja* «тот, кто способен сочинять всякое (лишь бы не говорить правду — дополнено нами, П. Э.)», однако слово *poeet* этого значения не имеет.

Хотелось бы получить объяснение, в чем автор видит наличие ППС-2 в случае *учитель/õpetaja*; у слов *корифей/korüfee* метафорическое значение совпадает. Аналогично: почему не рассматриваются в паре рус. *бурлак* и эст. *purlak*?

Слово *гастролер* не имеет эстонских соответствий, но ведь есть *läbijooksik, gastrolöör* с таким же метафорическим значением. То же со словом *канцелярист* — в работе без эстонского соответствия, тогда как есть *kantseleirott, kantseleikoi*? Может быть, эстонские соответствия исключены, поскольку в них другая метафорическая модель: животное — человек? И как вообще относиться к метафоризации сложных слов в эстонском языке?

Пример *слуга = teener* с одинаковым метафорическим значением «отдавать себя чему-л., работать во имя чего-л.»; ср. эст. *jumalateener = jumalasulane*. Сомнительно, что в первой паре значима только сема «зависимость от хозяина, неизбежность выполнения чужой воли».

Необходимо доказать, что эст. *kunstnik* (с. 42) имеет ОПС в метафорическом значении «о том, кто достиг высокого совершенства в какой-л. работе»; в этом метафорическом значении в эстонском языке употребляется *meister* 'мастер на все руки'.

О священнике по-эстонски говорят *hingekarjane*, а не просто *karjane*, как в монографии.

Не может ли соответствовать рус. *подпевала* в этом же метафорическом значении эст. *suuwooder*?

Наверно, нельзя согласиться с тем, что эст. *jääger* имеет метафорический компонент значения «охотник за женщинами»; на какой словарь автор опиралась?

Рус. *сапожник* в приведенном метафорическом значении «неумелый, неискусный в каком-либо деле человек» соответствуют эст. *kingsepp* или же синонимичное *sooss-sepp*, что, однако, не указано.

Слово *консерватив/konservatiiv* (с. 45) имеет в обоих языках плюс или минус экспрессию; аналогичное возможно и с другими примерами данной группы (*либерал, демократ, радикал*).

На с. 46 приведено слово *славянофил*, у которого в эстонском языке есть соответствие *slavofiil* с тем же метафорическим значением — слово заимствовано полностью.

Список вопросов и замечаний можно продолжить, но это уже предмет частной дискуссии. Возникновение подобного рода вопросов свидетельствует в очередной раз о недостаточной разработанности лексикографической информации в словарях эстонского языка. Следовательно, информацию, полученную из словарей, необходимо проверять (контрольные тесты, помощь носителей языка, исследование контекстов, полученных из текстовых корпусов русского и эстонского языков).

Сопоставлять разные языки, особенно семантику, значит, пытаться обнаружить механизм переключения между ними. Это предполагает ориентацию на выявление не столько различий, сколько сходств, которые не отождествляются с семантическими универсалиями. Если опираться на анализ словарных опреде-

лений слов в двух языках, то механизм этот полностью не обнаружить, и что еще хуже — его можно вообще не выявить или же неточно интерпретировать. Это одно из наиболее существенных препятствий при сопоставительных исследованиях. Именно поэтому предварительно следует решить, как и на какой основе сопоставлять два языка, к чему в результате стремиться. Может быть, при исследовании метафорического значения слов стоило бы наряду с лексикографической информацией применить эксперимент как дополнительный метод анализа и проверки данных?

В целом исследование Т. Трояновой — очередной значительный шаг в области сравнения лексико-семантических систем русского и эстонского языков. Ею продолжена разработка вопросов сопоставительной лексикологии, в частности теории языковой метафоры.

Приведенные замечания и высказанные мысли мотивированы желанием в очередной раз подчеркнуть важность решения вопросов методологии сопоставительного исследования для получения как можно более адекватного результата. Первостепенными требованиями при этом являются двусторонность сопоставления (от языка А к языку Б и наоборот); единая и надежная основа сопоставления, одинаково применяемая в отношении как языка А, так и языка Б (что не означает, будто при сопоставлении обязателен одинаковый уровень исследованности и разработанности сравниваемых языков); исследование единицы языка с учетом ее сочетаемостных особенностей (более узко — семантической и грамматической сочетаемости); выдержанное терминологическое соответствие, прежде всего в аспекте совпадения/несовпадения содержания лингвистических понятий.

ЛИТЕРАТУРА

- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 2001, Русский толковый словарь, Москва.
- Пихлак А. 1981, Принципы составления русско-эстонских словарей активной направленности (На примере конструктивных глаголов). Автореф. канд. дисс., Таллин.
- Hendrikson, R. 2002, Keeleteaduse teooriate metafoorikäsitusi. — КК, 764—776.
- Karelson, R. 1990, "Eesti kirjakeele seletussõnaraamat" tegija pilgu läbi. — КК, 24—34.
- Langemets, M. 1999, Eesti sõnaraamat internetis. — КК, 342—350.
- Langemets, M., Mäearu, S., Viks, Ü. 2003, Leksikograafide elust: LEXICOM 2002 ja EUROLEX 2002. — КК, 42—51.
- Pajusalu, R. 2001, The Polysemy of *seisma* 'to stand'. Multiple Motivations for Multiple Meanings. — Papers in Estonian Cognitive Linguistics, Tartu (Tartu Ülikooli üldkeeleteaduse õppetooli toimetised 2), 170—191.
- Veisman, A. 2001, On the Conceptualization of Time in Estonian. — Papers in Estonian Cognitive Linguistics, Tartu (Tartu Ülikooli üldkeeleteaduse õppetooli toimetised 2), 22—47.
- Vene-eesti seletav sõnaraamat, Tallinn 2001.

ПИЛЛЕ ЭСЛОН (Таллинн)*

* Рецензия выполнена при поддержке гранта 0132493s03 «Eesti keelekeskkonna arengu analüüs, modelleerimine ja juhtimine» (Анализ и моделирование эстонской языковой среды, а также управление ею).